

РОГАТКА
грустный рассказ.

Во времена моего детства каждый уважающий себя мальчишка имел в своём арсенале рогатку. Они были деревянные и выгнутые из толстой проволоки, большие и маленькие, разных форм и конфигураций. Ребята упражнялись в стрельбе по консервным банкам, по мишеням, нарисованным на заборах, по стеклянным бутылкам, которые в солнечных лучах фейерверком разлетались на мелкие кусочки, когда камушки попадали в цель.

Прокатившаяся по Придонию Великая Отечественная оставила в степях и балках множество более серьёзного вооружения. Мы играли «в наших и фашистов» настоящими винтовками, автоматами, карабинами и даже пулемётами и противотанковыми ружьями. Хотя у подобранного нами в большинстве своём отсутствовали многие детали, начиная от приклада и кончая спусковым крючком, его при желании можно было восстановить. Что и делали многие умельцы. А потом стреляли где-нибудь подальше от хутора. Наши стрельбы, как мы не старались это скрыть, всё же становились достоянием взрослых. Они при первой возможности норовили изъять найденное в походах по местам отгремевших боёв.

А на рогатки взрослые не обращали внимания, так, поругивали иногда и – всё... Вот мы и изощрялись в их изготовлении, стараясь придумать что-нибудь «эдакое», чего не встречалось у товарищей. Хвастались друг перед другом новинками, менялись, пробовали на точность, перенимали хитринки, что внедряли «конструкторы» в своих образцах.

У меня долго не было своей рогатки. Стрелял из чужих. По тем же банкам и бутылкам. Большинство моих попыток поразить цель заканчивались неудачей. То ли руки не обладали силой и ловкостью, то ли глаз не так прижмуривался – не знаю. В общем, я нещадно мазал. Поэтому не мог похвалиться количеством сшибленных и разбитых мишеней или подбитых голубей и воробьёв... Данное обстоятельство цепляло моё самолюбие до боли в груди, до мурашек по коже. Я смеялся вместе с ребятами над промахами, но в душе ужасно досадовал на своё растяпство... В один из дней досада переросла в решимость сделать рогатку и научиться метко стрелять. Лучше всех.

Долго, тщательно выбирал ветки хвороста с необходимой развилкой. Срубил несколько штук, укоротил под размер ладони. Принёс домой, разложив на ступеньках крыльца, стал неспеша очищать заготовки. Рука ощущала приятную прохладу и сырость освобождённого от коры дерева. Зеленовато – жёлтые рогатки лежали в ряд, доставляя удовольствие от проделанной работы. Повертев одну из них, решил раскрасить оружие в разные цвета. Уж такой рогатки точно ни у кого нет. Яркой, броской. В порыве вдохновения бросился в сарай, где стояли банки из-под красок. К моему огорчению только на дне двух под толстой и жирной плёнкой покоились остатки белого и оранжевого цветов. Поразмыслив над сложившейся ситуацией, пришёл к выводу, что и этого достаточно: всё равно никому из ребят пока не приходила в голову мысль открашивать свои изделия. Буду хоть здесь первым... Помимо раскраски надумал вырезать рельефы под пальцы, чтобы всё помогало в будущей стрельбе...

Когда рогатки высохли, взял наиболее приглянувшуюся, и вышел на тропу боевых действий. Тропа привела в угол двора, где гуляли куры и куда слетались воробьи к дармовому зерну, что золотилось в лотках и разрезанных мотоциклетных шинах.

Я расставил несколько консервных банок, пару бутылок и даже старые ботинки для того, чтобы упражняться в стрельбе. В карманы зелёных бридж набил камушков и, вложив «снаряд» в коричневый кусочек кожи, сквозь который была продета чёрная резинка, тщательно прицелился... С огорчением увидел, что ни одна мишень не слетела с установленного места. Второй выстрел тоже оказался неудачным, как и следующий, и следующий... Вновь и вновь растягивал резинку и опять камушки летели куда угодно, но только не в банки и в бутылки. Они вздымали пыль, стукались в стенки сарая и курятника, шелестели в листве, упорно не желая поражать цели. С каждым промахом во мне возрастала злость на собственное неумение, и уже не радовали удобная ручка с яркой раскраской. Злость породила ярость. В этой ярости стал пулять в разные стороны... Несколько растратив пыл беспорядочной стрельбой, опустился на корточки, начав черебить рогатулькой какие-то узоры на земле... Тут с шумом и чириканьем к кормушке спустилась стайка воробьёв. Они прыгали, задирались друг с другом, делали короткие перелёты, сбивались в кучки, клевали зерно... Чем больше смотрел на них, тем больше птицы раздражали меня. С каким-то сладострастием вложил кругляшек в рогатку и выстрелил. Воробьи разлетелись кто куда, но некоторые, особо наглые и нахальные, умостились прямо на грушинах, что стояли в этом же углу двора.

- Я вас и здесь достану,- произнёс тихо, натягивая резинку рогатки. Птички, видимо, почувствовав опасность, сидели тихо, маскируясь в листве. Они сидели, я стоял и ждал, ждал того момента, когда какой-нибудь из воробьёв сорвётся с ветки. И он сорвался, а я быстро, навскидку, шандарахнул по взлетающему... И – попал! Ха! Попа-ал! Радость мгновенно обуяла душу и вприпрыжку, на одной ноге, бросился к лежавшей на земле пташке... Однако упоение от успеха тот час улетучилось, когда увидел дёргающееся в судорогах тельце... Руки мои обвисли, рогатка шлёпнулась к ногам... Постояв какое-то время в

оцепенении, опустился на колени, взял воробьишку и стал его трясти, приговаривая:

- Ну оживай, оживай же ты !

Дул на него, согревал в ладошках, дышал в клюв... Тщетно... Мой выстрел оказался роковым

Осознание того, что у б и л пичугу ввергло в неутешное горе, и я разрыдался. Громко, с надрывом. И зачем только делал эти проклятые рогатки?! Зачем? Жил бы себе воробей и жил. Летал над нашими полями, садами, ловил жучков-паучков, радовался солнцу и просторам. Так нет - я тут со своей рогаткой... Швырнул её в соседний огород, но легче не стало. Горечь, стыд жгли мою мальчишечью душу, и захотелось хоть как-то, хоть чем-то искупить вину перед тем, кого по собственной глупости уничтожил...

Всхлипывая, размазывая слёзы по лицу, с давящей тоской в сердце выкопал ямку, уложив туда пернатого, завёрнутого в небольшой листок лопуха... На холмик могилки пристроил цветок мальвы, сел рядом, обхватив колени руками и раскачиваясь из стороны в сторону...

Больше рогатку я никогда не брал в руки.

А по ночам мне долго снился тот воробушек, который взмыл вверх, но так и не увидел неба...

г. Москва, ГНЦ,
декабрь 2005 г.